

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 316.62

DOI 10.17223/17267080/55/6

А.В. Бочаров, Э.И. Мещерякова, А.В. Ларионова

Томский государственный университет (Томск, Россия)

Многомерная типология осужденных за экстремизм на основе факторного и кластерного анализа результатов психодиагностики

Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект 14-06-18025 «Исследование современных форм экстремистского поведения молодежи с учетом влияния культурно-средовых факторов»

На группе осужденных исследуется проблема экстремизма как реального феномена современности, который наблюдается в условиях становления новой российской государственности и противоречивости формирования демократических институтов и отношений. Комплексная типологизация осужденных позволяет описать групповой психологический портрет осужденных за экстремизм. Результаты исследования станут основой разработки психологических программ выявления и развития психологических ресурсов противостояния влиянию экстремистской идеологии, будут иметь теоретическое значение для психологической науки и прикладной характер для совершенствования современной молодежной политики в РФ.

Ключевые слова: молодежь; осужденные за экстремизм; многомерный анализ; типология экстремистских форм поведения.

Введение

Выделяемые в научной литературе формы экстремизма в зависимости от сфер жизнедеятельности общества (экономический, национальный, политический, религиозный, экологический и духовный) являются абстрактными и недостаточными для классификации и типизации проявления экстремистского поведения, так как не отражают специфику скрытых (латентных) форм экстремизма [1]. Поэтому определение глубинных причин (ценностно-смысловых, мотивационных, индивидуально- и социально-психологических), лежащих в основе молодежного экстремизма, анализ культурно-средовых факторов, способствующих формированию экстремистского поведения, являются актуальными задачами современной психологии. Эти задачи требуют применения антропологического подхода к пониманию сущности экстремистского поведения, который позволит

обобщить имеющиеся теоретические представления и разработать на основе эмпирических данных более объективную и системную типологию современных форм экстремистского поведения молодежи [2].

Материалы и методики исследования

Выборку исследования представили 52 мужчины, осужденные за терроризм и экстремизм, находящиеся в пенитенциарном учреждении Томской области. Статьи Уголовного кодекса РФ, по которым были осуждены испытуемые, – 205, 206, 209 ч. 1 и 2, 210, 280, 282 ч. 1 и 2 (терроризм, экстремизм, захват заложника, создание вооруженной группы, публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, организация экстремистского сообщества). Исследование проводилось спустя полгода после прибытия осужденного в пенитенциарное учреждение для снятия эффекта дезадаптации, свойственного для каждого вновь прибывшего. На предшествующем этапе анализа проводилось анкетирование осужденных на предмет отношения к различным аспектам экстремизма (самоидентификация). В результате были выделены и обоснованы два типа самоидентификации осужденных за экстремизм: 1) «жертвы» и «ищущие», 2) «борцы» и «защитники» [3].

На следующем этапе, представленном в данной статье, продолжение многомерного анализа результатов психодиагностических методик выборки осужденных проводилось в рамках главной цели исследовательского проекта – разработки технологии диагностики экстремистских форм поведения.

Были выбраны следующие методики исследования:

1) Опросник «Мини-мульти» (сокращенный вариант многофакторного опросника для исследования личности ММРП) в адаптации В.П. Зайцева (2004). Опросник позволяет оценить уровень нервно-эмоциональной устойчивости, степень интеграции личностных свойств, уровень адаптации личности к социальному окружению.

2) Тест самодетерминации личности (автор Б. Шелдон, адаптация и модификация Е.Н. Осина, 2011), позволяющий диагностировать способность индивида определять ход собственной жизни, в том числе такие компоненты, как автономия (уверенность в возможности выбора в жизненных ситуациях) и самовыражение (переживание жизни как соответствующей собственным желаниям, потребностям и ценностям).

3) Диагностика мотивационной структуры личности (В.Э. Мильман, 1990). Использовался мотивационный профиль со шкалами жизнеобеспечение, комфорт, общение, общая активность, творческая активность, социальная полезность.

4) Культурно-ценностный дифференциал (Г.У. Солдатова, И.М. Кузнецов и С.В. Рыжова, 1998). Ценностные ориентации сформулированы в рамках психологического универсального измерения культуры «индивидуализм–коллективизм». Измеряются групповые ценностные ориентации: на группу, на власть, друг на друга и на социальные изменения.

5) Характерологический опросник Мещеряковой (1993). Методика позволяет определить ведущие акцентуации характера испытуемых.

В выборке было незначительное количество статистически значимых корреляций (использовался непараметрический критерий Спирмена) между шкалами разных психодиагностических методик, найденные значимые корреляции были невысокими (менее 0,4), поэтому для поиска зависимостей между психодиагностическими шкалами использовался факторный анализ. В изучаемой выборке пропущенные данные отсутствуют, поскольку тестирующий осужденных психолог следил за полнотой заполнения опросников.

Для определения количества факторов использовался критерий каменистой осыпи, или критерий отсеивания (графический метод, предложенный Дж. Кэттеллом (Cattell, 1966)). Нужно найти такое место на графике, где убывание собственных значений слева направо максимально замедляется. Предполагается, что справа от этой точки находится только «факториальная осыпь», делающая малый вклад в объяснение дисперсии значений. Хотя критерий Кэттелла отличается некоторой субъективностью, он позволяет оптимально и наглядно выделить небольшое количество хорошо интерпретируемых факторов-подсистем в изучаемом пространстве признаков [4].

Результаты исследования и обсуждение

Из рис. 1 видно, что резкое убывание собственных значений прекращается после 4-й главной компоненты, поэтому для данной выборки в дальнейшем изучали четыре фактора.

В табл. 1 показаны факторные нагрузки для этих 4 факторов по психодиагностическим шкалам. В расчет принимались только переменные с нагрузкой не ниже 0,55 по модулю.

Рис. 1. Графическое изображение четырех главных компонент – факторов

**Факторные нагрузки по психодиагностическим шкалам в выборке осужденных
(метод вращения главных компонент Varimax normalized)**

Шкалы	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4
Шкала лжи (L)	-0,43	-0,12	-0,59	0,19
Шкала достоверности (F)	-0,38	0,01	0,1	-0,15
Шкала коррекции (K)	-0,52	-0,04	-0,53	0,23
1. Ипохондрия (Hs) (в норме – сверхконтроль)	-0,88	-0,01	-0,24	0,09
2. Депрессия (D) (в норме – пессимистичность)	-0,79	-0,35	-0,1	-0,16
3. Истерия (Hu) (в норме – эмоциональная лабильность)	-0,85	-0,26	-0,12	0,09
4. Психопатия (Pd) (в норме – импульсивность)	-0,79	-0,16	-0,22	-0,02
6. Паранояльность (Pa) (в норме – ригидность)	-0,74	-0,02	0,04	-0,22
7. Психастения (Pt) (в норме – тревожность)	-0,81	-0,20	-0,31	0,07
8. Шизоидность (Sc) (в норме – индивидуалистичность)	-0,90	-0,09	-0,3	-0,05
9. Гипомания (Ma) (в норме – оптимистичность)	-0,22	0,33	0,15	0,08
Автономия	0,21	0,36	-0,58	-0,25
Самовыражение	0,38	0,30	-0,55	-0,22
Ориентация на группу	0,21	0,14	-0,17	0,69
Ориентация на себя	0,11	-0,05	0,06	-0,59
Сопrotивление переменам	-0,09	0,05	0,31	-0,38
Открытость переменам	-0,22	-0,05	-0,27	0,19
Направленность на взаимодействие	-0,04	0,35	0,01	0,69
Отвержение взаимодействия	-0,30	-0,23	-0,27	-0,59
Сильный социальный контроль	0,16	0,10	-0,13	0,76
Слабый социальный контроль	0,07	-0,10	0,15	-0,69
Демонстративность	0,21	0,33	0,57	-0,08
Циклоидность	0,11	0,16	0,72	-0,09
Лабильность	0,29	0,27	0,47	-0,09
Гипертимность	-0,10	0,56	0,42	-0,32
Сензитивность	-0,19	-0,01	0,67	-0,30
Астеноневротичность	0,09	0,04	0,74	-0,37
Эпилептоидность	0,34	0,27	0,53	-0,25
Психастеничность	0,33	0,12	0,67	0,06
Шизоидность	0,23	0,17	0,67	0,05
Неустойчивость	0,18	-0,10	0,42	-0,46
Коррекция	0,24	0,44	0,09	0,00
Поддержание жизнеобеспечения	0,15	0,85	0,21	0,14
Комфорт	0,37	0,72	-0,14	0,02
Социальный статус	0,09	0,87	0,11	0,18
Общение	0,06	0,82	0,03	0,13
Общая активность	0,01	0,82	0,1	0,23
Творческая активность	0,16	0,81	0,13	0,15
Общественная полезность	0,15	0,86	-0,03	0,11
Объясненная дисперсия	6,59	6,42	5,63	3,99
Доля в общей дисперсии	0,17	0,16	0,14	0,10

Фактор 1 уменьшает значения нескольких шкал ММРІ: *Hs* – ипохондрии (в норме – сверхконтроля), *D* – депрессии (в норме – пессимистичности), *Hu* – истерии (в норме – эмоциональной лабильности), *Pd* – психопатии (в норме – импульсивности), *Pa* – паранояльности (в норме – ригидности), *Pt* – психастении (в норме – тревожности), *Sc* – шизоидности (в норме – индивидуалистичности). Исходя из таких характеристик Фактор 1 можно назвать «сглаживание психопатологической симптоматики».

Фактор 2 повышает гипертимность, мотивацию поддержания жизнеобеспечения, комфорта, социального статуса, общения, общей активности, творческой активности, общественной полезности. Исходя из таких характеристик. Фактор 2 можно назвать «стремление к гармоничным отношениям».

Фактор 3 понижает автономию, самовыражение и шкалу лжи по ММРІ, повышает демонстративность, циклоидность, сензитивность, психастеничность, шизоидность, астеноневротичность. Исходя из таких характеристик Фактор 3 можно назвать «выраженность психопатологии».

Фактор 4 положительно коррелирует с ориентацией на группу, направленностью на взаимодействие и сильным социальным контролем, отрицательно коррелирует с ориентацией на себя, отвержением взаимодействия, слабым социальным контролем. Исходя из таких характеристик Фактор 4 можно назвать «выраженность экстернатности».

В табл. 1 доли объясненной дисперсии представлены в порядке убывания, отражая степень важности соответствующих выделенных факторов для объяснения вариации исходных данных. В наибольшей степени на осужденных в изучаемой выборке влияют факторы «сглаживание психопатологической симптоматики» и «стремление к гармоничным отношениям», слабее всех остальных – фактор «выраженность экстернатности».

Каждый фактор из четырех является своеобразной агрегированной переменной, для которой вычисляется факторный балл для каждого наблюдения в выборке. Это позволяет проверить зависимость каждого из факторов от принадлежности осужденных к одному из кластеров самоидентификации, выделенных по анкете отношения к экстремизму на предыдущем этапе исследования. Для проверки зависимости использовался дисперсионный анализ (ANOVA) по F-критерию Фишера. Анализ позволил выявить две статистически значимые зависимости.

Рисунок 2 показывает, что у осужденных кластера «жертвы» и «ищущие» средние значения Фактора 1 «сглаживание психопатологической симптоматики» ниже и более лабильны, чем у осужденных кластера «борцы» и «защитники».

У осужденных из кластера «жертвы» и «ищущие» средние значения Фактора 3 «выраженность психопатологии» ниже, чем у осужденных из кластера «борцы» и «защитники» (рис. 3). То есть у осужденных с идентичностью «жертвы» и «ищущие» гораздо слабее понижаются автономия, самовыражение и шкала лжи по ММРІ, слабее повышаются демонстративность, циклоидность, сензитивность, психастеничность, шизоидность, астеноневротичность.

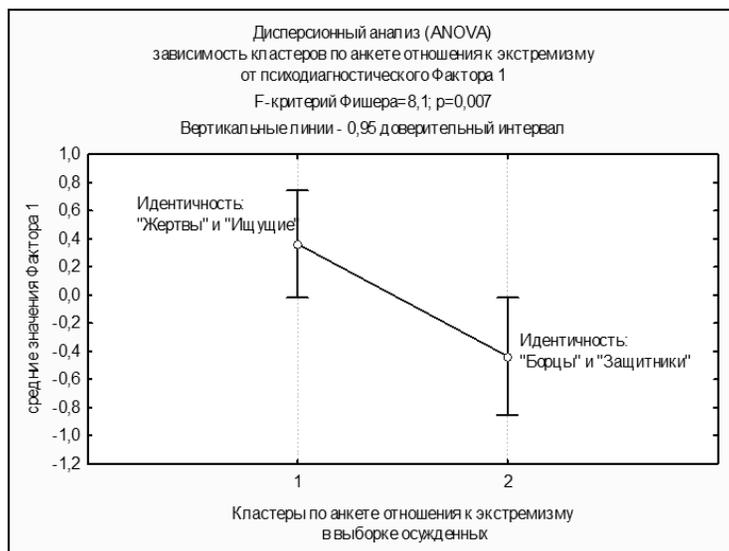

Рис. 2. Взаимосвязь типов идентичности и Фактора 1

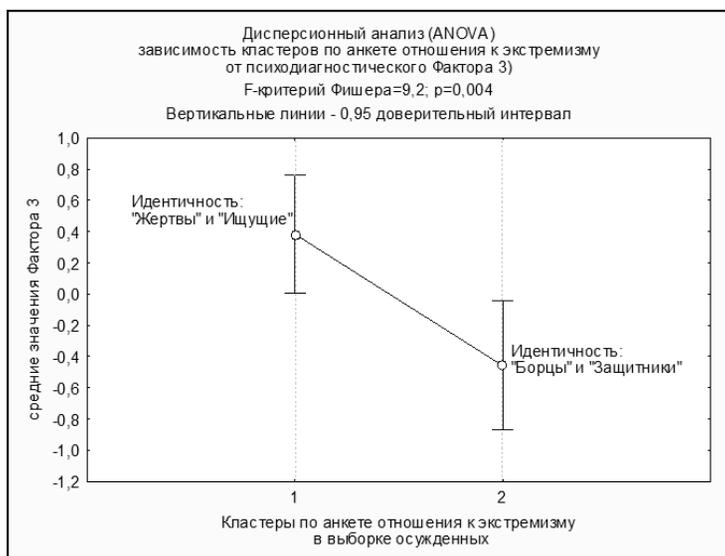

Рис. 3. Взаимосвязь типов идентичности и Фактора 3

С точки зрения криминологических факторов экстремизма интерес вызывают признаки судимости («ранее судим» или «не судим») и роли в преступлении («организатор», «соучастник», «исполнитель»). Ранее судимых (рецидив) в выборке всего шесть человек, что не позволило выявлять значимую вариативность и комбинаторику статистических значений по признаку количества судимостей. В отличие от этого, признак «роль в пре-

ступлении» такую вариативность даёт. Анализ таблиц сопряжённости кластеров самоидентификации и роли в преступлении не установил статистически значимой зависимости (табл. 2), возможно, из-за недостаточного объёма выборки. Тем не менее в таблице видны некоторые тенденции, а именно: среди «борцов» и «защитников» больше соучастников и организаторов, чем среди «жертв» и «ищущих».

Т а б л и ц а 2

**Анализ сопряженности роли в преступлении и кластера самоидентификации.
Критерий Пирсона Хи-квадрат = 0,1; p = 0,9**

Роль в преступлении	Кластер 1, идентичность «борцы» и «защитники»	Кластер 2, идентичность «жертвы» и «ищущие»	Всего
Исполнитель	15	10	25
Соучастник	10	8	18
Организатор	5	4	9
Всего	30	22	52

Анализ сопряженности не показал статистически значимых зависимостей, для полноты модели экстремистского поведения необходимо иметь хотя бы обоснованные предварительные предположения о форме и направлении зависимостей. Отсутствие статистически значимых зависимостей между отдельными шкалами психодиагностики и самоидентификацией осужденных также создает проблему неопределённости системных зависимостей в психологии осужденных. Для решения этих проблем на следующем этапе исследования был проведён кластерный анализ. Он выполнил задачу создания комплексной типологии психологических факторов экстремизма у осужденных. Кластерный анализ позволил более глубоко понять взаимодействие различных личностных характеристик с выявленной идентичностью.

Вначале группирующая кластеризация признаков идентичности экстремистов («борцы», «защитники», «жертвы», «ищущие») и признаков ролей («исполнитель», «соучастник», «организатор») в преступлении проводилась по методу Уорда для метрики Сити-Блок (рис. 4). Исполнители оказались более связаны с идентичностью «жертвы» и «ищущие», чем соучастники и организаторы, которые сильнее связаны с идентичностями «борцы» и «защитники».

Следует отметить, что кластеризация переменных – это разведочный метод, который всего лишь показывает тенденции в структуре данных, но не дает вероятностно доказуемых результатов. Выявленные тенденции дают основу для новых гипотез и выработки моделей и методик исследования схожих задач на схожих выборках. То, что исполнители преступлений скорее «жертвы и «ищущие», есть результат, интуитивно предполагаемый, но не обязательный и требующий дополнительных проверок. Декларируемые в анкетах интенции и мотивации до и после совершения преступления могут существенно отличаться. Однако провести опрос преступников воз-

можно только в местах заключения уже после совершенного преступления, отношение к которому уже, скорее всего, изменилось, как изменилась и ситуация (несвобода), в которой оказался преступник.

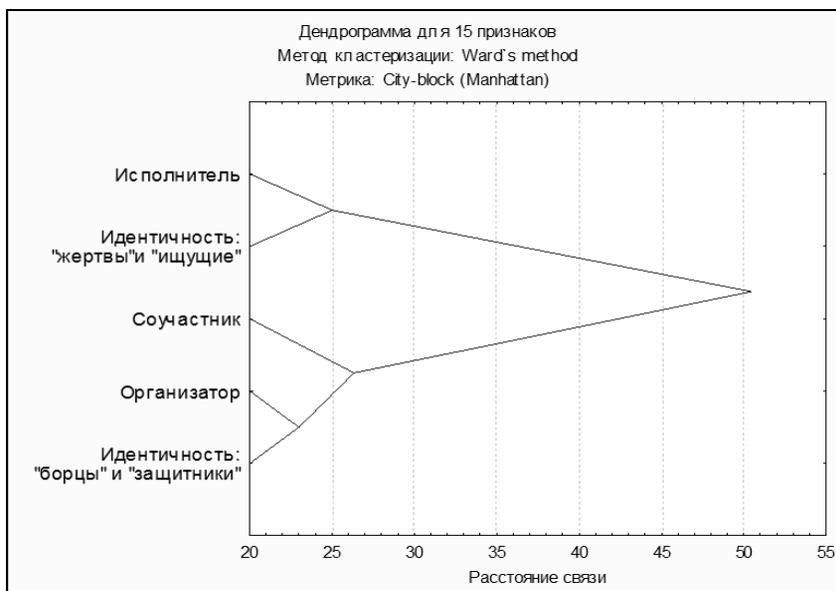

Рис. 4. Кластеризация признаков идентичности осужденных

Далее кластеризации подверглись все психодиагностические шкалы в выборке осужденных. Для выборки осужденных кластеризация проводилась отдельно для каждой из психодиагностических методик.

Кластеризация психодиагностических шкал проводилась по методу k -средних. Действие итерационного алгоритма таково, что он стремится минимизировать суммарное квадратичное отклонение точек кластеров от центров этих кластеров. Целью алгоритма является оптимальное «разбиение» всего набора объектов на k кластеров. Эта процедура будет перемещать объекты из одного кластера в другой, чтобы минимизировать внутрикластерную дисперсию и максимизировать межкластерную.

На рис. 5 визуализированы результаты кластеризации шкал ММРІ – Мини-мульти. Два кластера показывают наличие двух групп осужденных с более низкими (кластер 1) и повышенными (кластер 2) значениями шкал ММРІ. Причем по шкалам F и 9 (Ma) различия минимальны, т.е. они являются наименее дифференцирующими, а по шкалам 4 (Pd) и 8 (Se) – различия максимальны, т.е. эти шкалы лучше всего дифференцируют осужденных по психодиагностическим критериям.

На рис. 6 визуализированы результаты кластеризации шкал самодетерминации. Два кластера показывают наличие двух групп осужденных с более низкими (кластер 1) и повышенными (кластер 2) значениями авто-

номии и самовыражения. Существенных различий во вкладе шкал в разделение осужденных по кластерам не наблюдается.

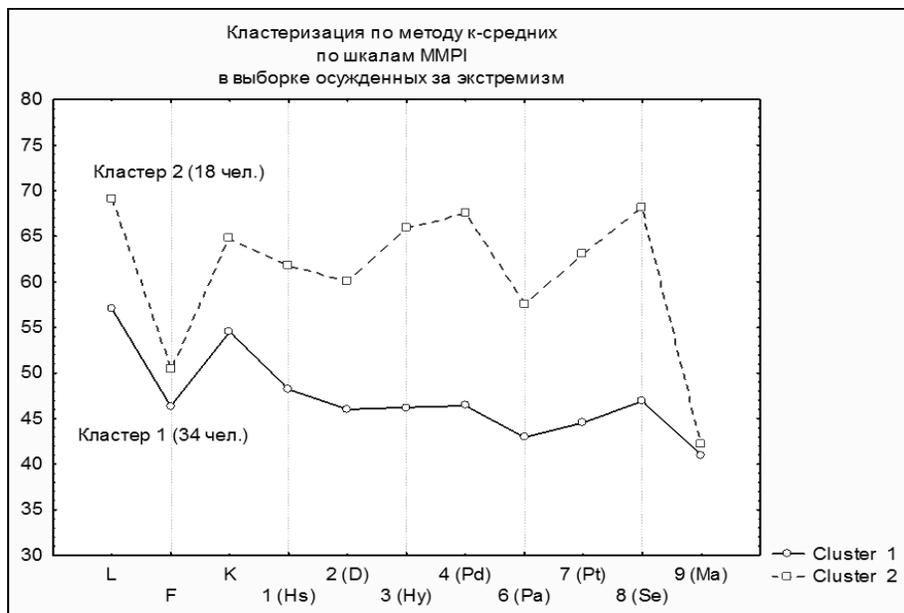

Рис. 5. Результаты кластеризации шкал MMPI

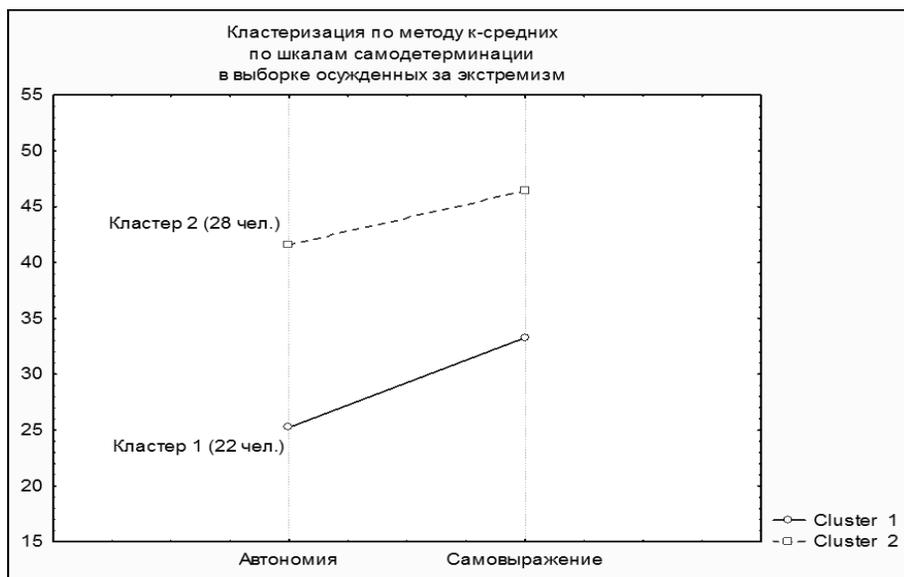

Рис. 6. Результаты кластеризации шкал самодетерминации

На рис. 7 визуализированы результаты кластеризации шкал методики «Культурно-ценностный дифференциал». Также выделилось два кластера с наиболее сильными отличиями, но отличия уже не по всем шкалам имеют однонаправленный характер (линии кластеров пересекаются). Кластер 1 имеет более высокие значения по шкалам «направленность на взаимодействие» и «сильный социальный контроль», и пониженные значения по шкалам «отвержение взаимодействия» и «слабый социальный контроль». Кластер 2 имеет соответственно противоположные характеристики. По остальным шкалам «Культурно-ценностного дифференциала» группирующих различий не наблюдается, в связи с чем кластер 1 назовем «социабельный», а кластер 2 – «антисоциальный».

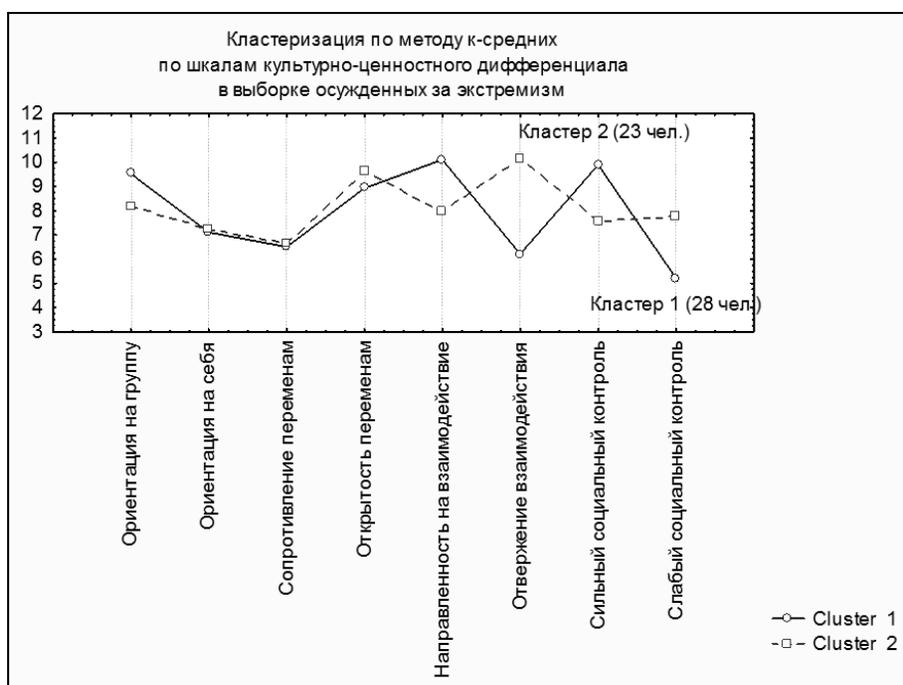

Рис. 7. Результаты кластеризации шкал методики «Культурно-ценностный дифференциал»

По шкалам мотивационной структуры наблюдается два кластера: кластер 1 – повышенные значения и кластер 2 – пониженные значения (рис. 8). Наименьшие различия между кластерами – по отношению к комфорту, наибольшие – по творческой активности.

По шкалам характерологии результаты схожи с тестом ММРІ. Выделилось также два наиболее отличающихся кластера – пониженных (кластер 1) и повышенных (кластер 2) значений (рис. 9). Причем по шкалам неустойчивости и коррекции различия минимальны, а по шкалам демонстративности и психастеничности – максимальны.

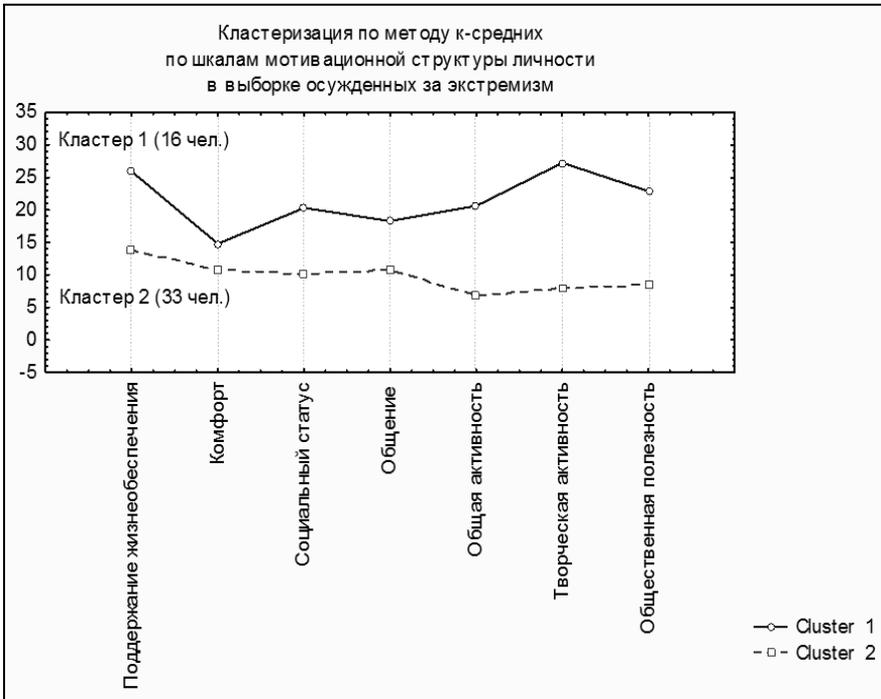

Рис. 8. Кластеризация шкал мотивационной структуры личности

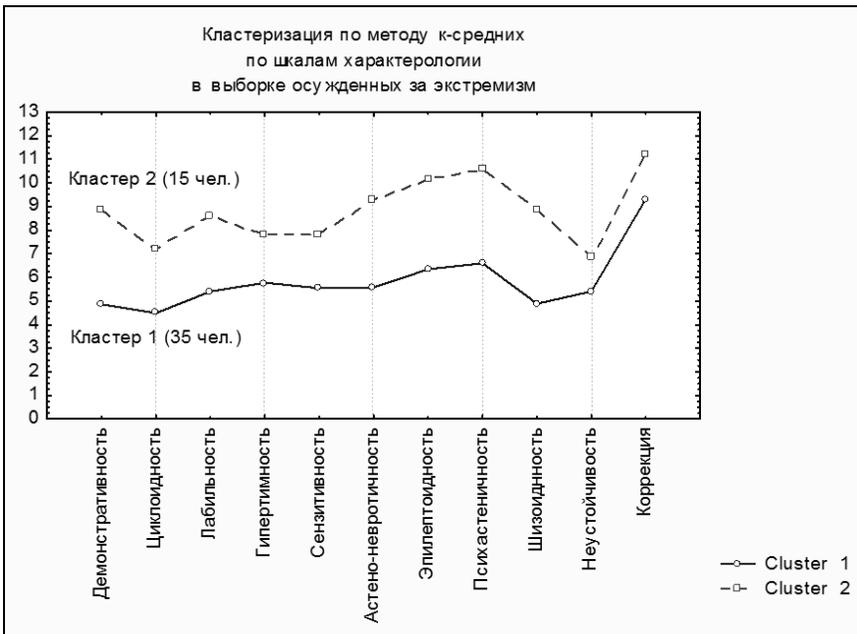

Рис. 9. Кластеризация шкал характерологического опросника

На следующем этапе анализа проверялась связь психодиагностических кластеров с кластерами самоидентификации. Группирующая кластеризация переменных позволила установить комплексные взаимосвязи переменных и создать тем самым психологическую типологию экстремистов. На рис. 10 показаны связи значений признака «роль в преступлении» со значениями принадлежности к психодиагностическим кластерам. Исполнители сильнее связаны с пониженной самодетерминацией, пониженной мотивацией, пониженными характерологическими шкалами и повышенными шкалами ММРІ, а также с «антисоциальной» культурно-ценностной ориентацией, что, в свою очередь, связано с их зависимой позицией в экстремистском сообществе. Организаторы и соучастники сильнее связаны с противоположным психологическим профилем: повышенной самодетерминацией, повышенной мотивацией, повышенными характерологическими шкалами и пониженными шкалами ММРІ и «социабельной» культурно-ценностной ориентацией, что обуславливает их доминантную позицию в экстремистском сообществе.

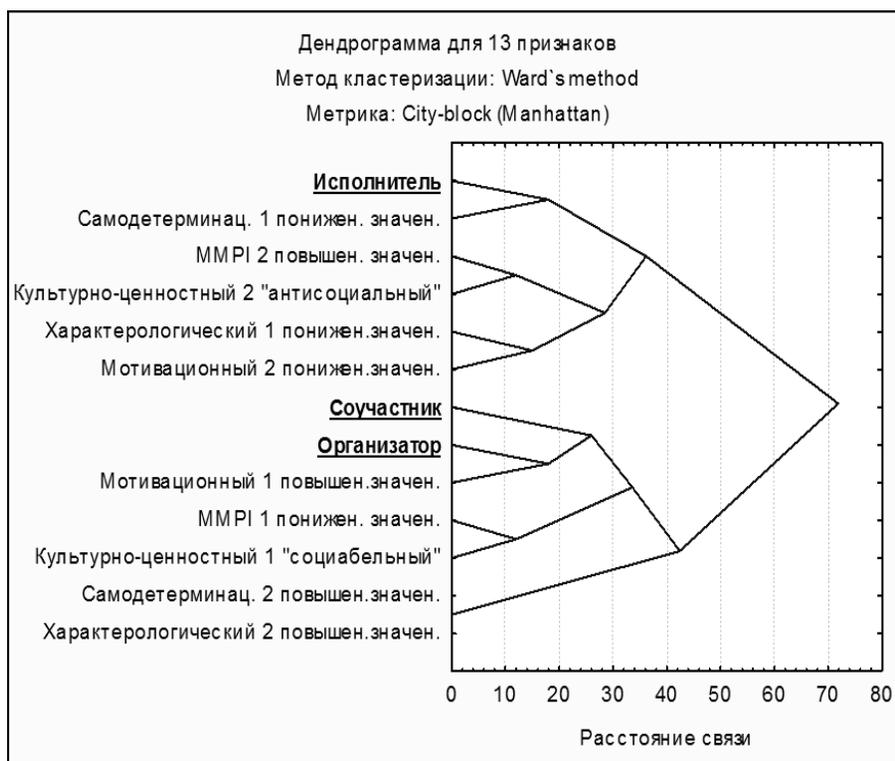

Рис. 10. Взаимосвязь признака «роль в преступлении» осужденных и психодиагностических кластеров

На рис. 11 показаны связи кластеров самоидентификации со значениями принадлежности к психодиагностическим кластерам. «Жертвы» и

«ищущие» сильнее связаны с пониженными шкалами ММРІ, с «социальной» культурно-ценностной ориентацией, с пониженной самодетерминацией и повышенной мотивацией. Кластеры «борцы» и «защитники» сильнее связаны с повышенными шкалами ММРІ, с «антисоциальной» культурно-ценностной ориентацией, повышенной самодетерминацией, пониженной мотивацией.

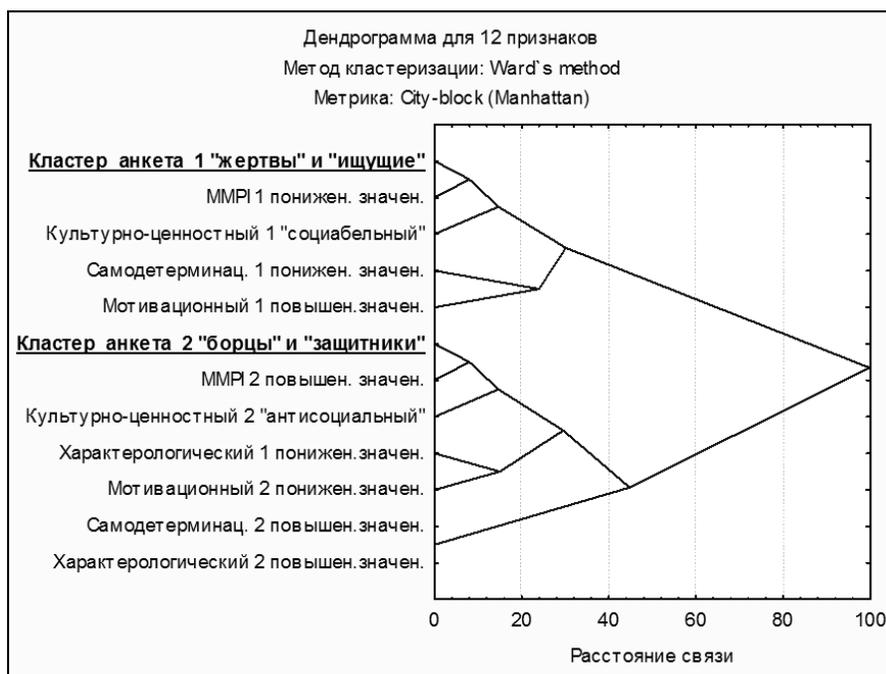

Рис. 11. Взаимосвязь кластеров самоидентификации осужденных и психодиагностических кластеров

Шкалы характерологии оказались наименее связанными с кластером «жертвы» и «ищущие». То есть характерологические свойства не служат достаточно значимыми показателями предрасположенности осужденных к той или иной идентификационной позиции по отношению к экстремизму. Характерология, независимо от её типа и степени выраженности, наиболее отчетливо характеризует тех, кто считает себя «борцами» и «защитниками», но не обуславливает принадлежность к данному виду идентичности.

Заключение

Анализ полученных данных позволил сделать следующие выводы:

1. Отсутствие у осужденных за экстремизм каких-либо сильно выраженных отклонений в психодиагностических профилях и взаимосвязях позволяет переосмыслить роль экстремизма как реального феномена со-

временности. Не решая вопрос о существовании каких-либо врожденных или приобретённых склонностей к экстремизму, мы предполагаем значительное влияние на проявления этого феномена культурно-средовых факторов, актуализирующих негативные личностные особенности в ситуации погружённости в криминогенную и идеологически ангажированную среду.

2. Комплексная типологизация осужденных (психологические характеристики самоидентификаций типа «жертвы», «ищущие», «борцы» и «защитники») позволяет описать групповой психологический портрет осужденных за экстремизм, который не менее важен в профилактической работе с молодёжью, чем учет индивидуально-психологических особенностей. Групповой портрет эмпирически конкретизируется через взаимосвязи эмоциональных, мотивационных, культурно-ценностных и самоидентификационных признаков. Противоречивое сочетание последних свидетельствует о неоднозначном соотношении трех составляющих экстремистского поведения – позиция в группе, роль в преступлении и личностные характеристики.

3. Эвристика многомерных методик открывает перспективы для углубления понимания экстремизма. Важное значение при изучении психологических факторов экстремизма приобретает аналогичное обследование молодежи как потенциальных реципиентов экстремистской идеологии. Молодежный контингент в своих декларациях, самопрезентации и самоотношении при тестировании более открыт, он не подвержен чувствам обиды, вины, стыда, сожаления, которые в той или иной степени присущи осужденным, и молодежь в меньшей степени подвержена страху за высказанное мнение, чем лица в местах заключения.

4. Агрегирование психодиагностических шкал в подсистемы посредством факторного анализа выявило, что в наибольшей степени на осужденных в изучаемой выборке влияют факторы «сглаживание психопатологической симптоматики» и «стремление к гармоничным отношениям», слабее – факторы «выраженность психопатологии» и «выраженность экстернальности». Поиск связей между типами самоидентификации осужденных за экстремизм с влияющими на них психологическими факторами позволил установить, что фактор «сглаживание психопатологической симптоматики» слабее влияет на осужденных кластера «жертвы» и «ищущие», они более лабильны, чем осужденные кластера «борцы» и «защитники».

Изучение на студенческой выборке экстремистских интенций и психологических факторов, а также сравнение этих факторов с выборкой осужденных за экстремизм – это следующий этап исследования.

Литература

1. Фридинский С.Н. Молодежный экстремизм как особо опасная форма проявления экстремистской деятельности // Юридический мир. 2008. № 6. С. 23–25.
2. Мещерякова Э.И., Бохан Т.Г., Ларионова А.В. Учет эвристик маргинальности в психокоррекционной работе с осужденными за экстремизм: антропологический подход // Сибирский психологический журнал. 2014. № 52. С. 104–114.

3. Мещерякова Э.И., Бочаров А.В., Ларионова А.В. Анализ представлений об экстремизме у осужденных по ст. 282 УК РФ с использованием метода многомерной социально-психологической классификации // *European Journal of Psychological Studies*. 2014. Т. 2, № 2. С. 36–46.
4. Cattell R.B. The scree test for the number of factors. *Multivariate Behavioral Research*. 1966. Vol. 1, No. 2. P. 245–276.

Статья представлена научной редакцией 23 декабря 2014 г.

Сведения об авторах:

БОЧАРОВ Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории Томского государственного университета (Томск). E-mail: bav346@rambler.ru

МЕЩЕРЯКОВА Эмма Ивановна, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры организационной психологии Томского государственного университета (Томск). E-mail: mei22@mail.ru

ЛАРИОНОВА Анастасия Вячеславовна, соискатель кафедры организационной психологии Томского государственного университета (Томск). E-mail: pavlova13@mail.ru

Siberian journal of psychology, 2015, 55, 107–122. DOI 10.17223/17267080/55/6

Aleksey V. Bocharov, Emma I. Meshcheryakova, Anastasiya V. Larionova

Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: bav346@rambler.ru; mei22@mail.ru; pavlova13@mail.ru

The multidimensional typology of the convicted of extremism based on the factor and cluster analysis of psychodiagnostics results

The paper presents the multivariate analysis of the psychodiagnostics results for the persons convicted of extremism. This analysis made it possible to develop the typology of the current extreme behavior patterns. The Survey covered 52 men convicted of terrorism and extremism who served their sentence in the punishment-oriented institution of the Tomsk Region.

The methods of the study include: 1) Mini-Mult Inventory (the short version of the Minnesota Multiphasic Personality Inventory (MMPI:) adapted by V.P. Zaitseva, 2004). 2) Personality Self-Determination Test (developed by B. Sheldon, adapted and modified by E.N. Osina, 2011.) 3) Diagnostics of the Motivated Personality Structure (V.E. Milman, 1990). 4) Cultural-Value Differential (G.U. Soldatova, I.M. Kuznetsov and S.V. Ryshova, 1998). 5) Meshcheryakova's Personality Inventory (1993).

As a result of the multivariate analysis, 4 factors were identified: Smoothing of Psychopathologic Symptomatology, Striving for Harmonious Relationships, Intensity of Psychopathology, and Intensity of Externality.

The next stage of the data analysis was to check dependency of each factor on the affiliation of the convicted to one of the self-identification clusters identified at the previous stage using the questionnaire on attitude to extremism. Such dependence was checked using the analysis of variance (ANOVA) with F-ratio test which identified two statistically significant relationships. Further, the authors' task was to develop the complex typology of psychological factors underlying extremism among convicted individuals. In order to accomplish this task, they used the cluster analysis which

allowed them to gain a deeper insight into interactions of different personality traits with the revealed identity of the convicted.

The multivariate analysis provided the following results:

1. The persons convicted of terrorism did not show any marked deviations in their psychodiagnostics profiles. Due to this, the authors suggest that the cultural environmental factors have the significant effect on this phenomenon by actualizing some negative personality features in the context of their absorption into the criminogenic and ideologically engaged environment.

2. The complex typology of the convicted persons (psychological characteristics of such self-identifications as "Victims", "Seekers", "Fighters" and "Defenders") was introduced to describe the group psychological portrait of the persons convicted of extremism which can be defined through interrelations of emotional, motivational, cultural-value, and self-identification attributes. The conflicting combination of the latter ones show the ambiguous relationship between three components of extreme behavior – position within a group, role in a crime and personality traits.

3. Heuristics of multivariate techniques opens the opportunities for deeper insight into the problem of extremism. The findings of the study will form the basis for developing psychological programs aimed at identifying and developing psychological resources which are necessary to efficiently counteract effects of extremist ideologies. These findings will be of theoretical value for the psychological science and of practical value for improving the current youth policy in the Russian Federation.

Keywords: young people; convicted of extremism; multidimensional analysis; typology of extreme behavior patterns.

References

1. Fridinskiy S.N. Molodezhnyy ekstremizm kak osobo opasnaya forma proyavleniya ekstremistskoy deyatelnosti [Youth extremism as a particularly dangerous form of manifestation of extremist activity]. *Yuridicheskiy mir*, 2008, no. 6, pp. 23-25.
2. Meshcheryakova E.I., Bokhan T.G., Larionova A.V. Consideration of heuristics of marginality in psycho-corrective work with people convicted for extremism: an anthropological approach. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Psychology*, 2014, no. 52, pp. 104-114. (In Russian).
3. Meshcheryakova E.I., Bocharov A.V., Larionova A.V. Analysis of Representations of Extremism from Convicted Under Art. 282 of the Code Using the Multidimensional Socio-Psychological Classification. *European Journal of Psychological Studies*, 2014, vol. 2, no. 2, pp. 36-46. (In Russian).
4. Cattell R.B. The scree test for the number of factors. *Multivariate Behavioral Research*, 1966, vol.1, no. 2, pp. 245-276. DOI: 10.1207/s15327906mbr0102_10

Received: 23 December 2014